

Е. Чарушин

ВАСЬКА, БОБКА И КРОЛЬЧИХА

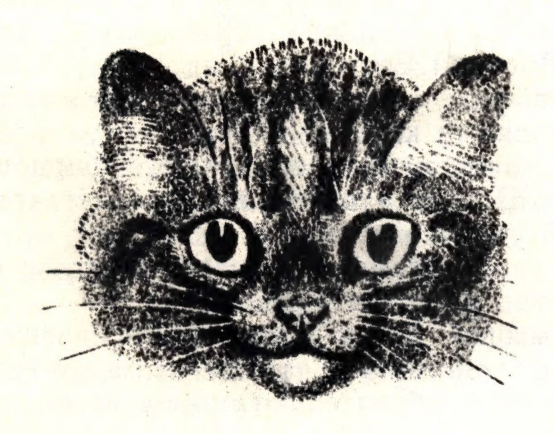
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

ЕВГЕНИЙ ЧАРУШИН

ВАСЬКА, БОБКА И КРОЛЬЧИХА

Рассказ

Рисунки автора

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

Есть у меня бусый кот — серый в чёрных пятнышках, как в бусинках.

Зовут его Василий Васильевич.

Толстый кот. Уши у него круглые — это ему другие коты обгрызли. Драчливый кот.

Когда пить хочет, идёт он на кухню, взбирается на раковину и мяучит. Придёт кто-нибудь, отвернёт кран и пустит воду тоненькой струйкой.

А кот эту струйку языком перехватывает.

Быстро-быстро работает языком.

Много ли мышей ловит Василий Васильевич, никто не знает, потому что он мышей тут же на месте ест. А вот уж если крысу поймает, обязательно притащит её к моему отцу на постель.

Проснётся утром отец, а на подушке у него дохлая крыса лежит.

Колотили за это Василия Васильевича и раз и два, а он ничего не понимает — носит крыс на постель, и всё тут.

Наверно, это он похвастаться хочет.

Вот, мол, какой я ловчий кот.

А по ночам гуляет Василий Васильевич с другими котами. По крышам ходит, дерётся и песни поёт.

Басом поёт, да таким противным, что во всём дворе у нас удивляются.

Я его передразнивать пробовал.

Надо одной рукой себе нос зажать, чтобы гнусаво выхо-

дило, а другой рукой горло немного придавить и выть басом. Чуть-чуть похоже получается, но всё-таки не то — тихо очень.

А ведь он-то как заголосит — так стёкла дрожат.

Есть у меня и пёс. Имя у него Бобка, а зовут его Вихляйка, потому что он всё вихляется. Вертит хвостом, а сам вихляется, как червяк на ниточке. Мордочка у него будто улыбается, и всегда язык на сторону висит. Перед котом Бобка хорохорится, а сам его боится. Бывает, побежит кот сдуру, сам с собой играет, а Бобка за ним. Завизжит, залает. А кот как остановится, как выгнет спину да как заговорит басом, Бобка так на задние лапы и осядет — будто не за котом бежал, не на кота лаял. Землю обнюхивает, направо, налево смотрит, вихляется, а сам потихонечку, потихонечку в сторону, в сторону — и удерёт от кота подальше.

А если бы подрались они по-настоящему, здорово бы влетело Бобке. У Васьки на каждой лапе по пяти кривых когтей — всего, значит, двадцать штук. Да зубы как иголки острые. И большой-то собаке с ним не справиться, а Вихляйка только чуть-чуть побольше его.

Порода у Вихляйки отец сказал «подворный советник». «Что за порода?» — думаю. Никогда про такую породу не слышал. Потом уж узнал я, что это просто дворняжка — беспородный пёс.

Вот раз пришёл отец домой и корзинку принёс, а в корзинке кто-то живой шевелится.

— Ну, — говорит, — это я тебе для того принёс, чтобы ты делом занялся. Если уморишь, значит, из тебя никогда толку не будет, а выходишь как следует — значит, ты деловой парень. Мало ли что бывает — может, ты колхозным стадом когда-нибудь заведовать будешь, или ветеринаром станешь, или агрономом.

Много ещё чего мне говорил отец, да уж я его не слушал, — любопытно мне было, кто в корзине сидит — один или много, птица или зверь. И Васька-кот подошёл, и Бобка тоже. Обнюхивают корзину.

— Это ты мне ежа принёс? — спрашиваю.

— Нет, не ежа.

— Ворону? — говорю.

— Нет, не ворону.

— Утку?

— Нет, не утку.

— Ну, тогда, значит, ты мне голубей принёс.

— Вот уж нет, — говорит отец, — ты с голубями шею себе свернёшь, по крышам лазая. Ну-ка, пораскинь умом, — кто это такой? Я тебе подскажу. Он и обедом накормит, и в шубу оденет, и шляпу фетровую может подарить, и рукавицы тёплые, и костюм шерстяной. Ну, угадал?

— Ух, — я говорю, — неужели тут карлик, какого я в цирке видел? Зачем же ты его в корзину засадил?

— Опять не угадал, — говорит отец.

Приоткрыл он корзину, а из корзины как выскочит кролик, да прямо на Ваську — Василия Васильевича. Кот только фыркнул и на шкаф, как птица, взлетел. И Бобка тоже в сторону подался — не видали они оба ещё такого зверя.

А кролик по полу ползает, носом всюду тычется, всё обнюхивает, еле лапами переступает. Уши у него к самой спине прижаты — со страху, видно.

Белый он весь, только на носу будто чёрный блин налеплен. Уши и хвост тоже чёрные.

— Это крольчиха русской или горностаевой породы, — говорит отец. — Она скоро крольчат принесёт. Смотри за ней, ухаживай. Ест кролик всё, кроме мяса и солёного. Давай ему сено, траву, ветки, листья, овсом или крупой подкармливай, или даже сухими корками. Только не давай куриной слепоты. Знаешь, такая трава с жёлтыми мелкими цветочками? Это вредно. И хлеба свежего не давай, — у кроликов от свежего хлеба живот болит.

Подарил мне кролика отец и ушёл. А я выгнал из комнаты Бобку да Ваську и стал кролика как следует осматривать. Потом сунул его обратно в корзину и пошёл ему жильё строить.

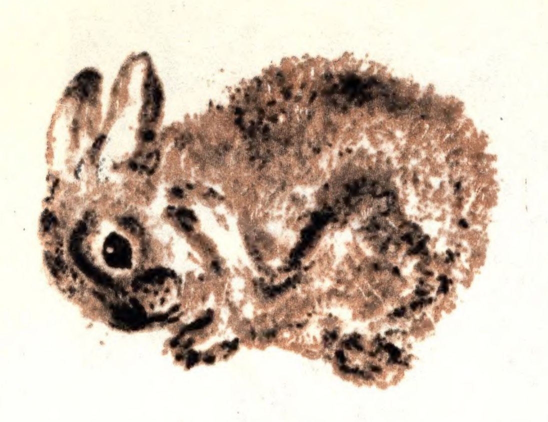
На дворе у нас забор углом. Я угол этот загородил старыми досками, и получился у меня такой заборчик невысокий — чуть мне повыше пояса. Бобка туда не перескочит, а кролик оттуда не выскочит. Где досок не хватило, там я старую рыбачью сеть натянул. Как у зебры в зоосаду получилась загородка.

А в середине загородки я пустой ящик вверх дном поставил и дверь в нём вырубил. Вот и готов дом. На нашей улице в это время тополь обрезали — уж очень он разросся,

даже телеграфную проволоку рвал ветвями. Так я этих тополевых веток целую кучу принёс. Натыкал их в землю, и в загородке у меня самый настоящий лес получился.

А в лесу дом стоит — ящик. А в том дому крольчиха живёт — русской горностаевой породы.

...Взял я корзинку с крольчихой и понёс к загородке. А за мной следом идут и Васька — Василий Васильевич и Бобка-Вихляйка. Идут за мной, принюхиваются.

Пришли мы, выпустили крольчиху. Она сразу же в дом свой новый залезла — осмотрелась там, видно, — опять вылезла и давай на тополевых ветках кору грызть. Прямо ленточками так и отдирает. Уши у неё всё время ходят, насторожены, а глаза выпуклые, будто она их нарочно вытаращила. Я ей травы охапку нарвал. Бросил. Она и траву стала есть.

Смотрю, а Василий Васильевич уже на заборе сидит. В комок сжался и неотступно на крольчиху глядит. Глаз с крольчихи не сводит. Бобка тоже сидит, повизгивает. Язык свесил, через сетку смотрит. И я стою. Смотрю. Наблюдаю.

Пьёт крольчиха воду из поддонника, траву жуёт, между веток тополевых как по лесу гуляет.

И вдруг увидала она кота на заборе — уши заложила да как хлопнет о землю ногами и в ящик залезла, — рассердилась, наверно.

До самой темноты просидел я перед заборчиком. Только когда уже ничего больше разглядеть нельзя было, пошли мы с Бобкой домой.

А кот на заборе остался.

Утром я чаю выпил и опять бегу смотреть. А кот уж опять сидит на заборе, на прежнем месте. «И чего ты сидишь, чего тебе надо? С крольчихой ведь всё равно не справишься. Вон она какая большая».

Опять я травы охапку нарвал, хлеба сухого кусок принёс. Загородку подправил. А кот всё на заборе сидит. Прямо будто навсегда прилип.

И день сидит, и два сидит, и три сидит, всю неделю сидит. Только и ходит домой поесть.

Прошла неделя. Стала крольчиха всё дольше в дому прятаться. Ну, думаю, это она себе гнездо готовит. Значит, совсем скоро крольчата у ней будут.

Как-то раз сидел я, сидел и не вытерпел: захотелось мне посмотреть, как это она в моем ящике гнездо устроила.

Поднял ящик — и будто форму с песочного пирога снял. Земля кубиком стоит, а сбоку в кубике — нора. Это, значит, крольчиха столько земли лапами выгребла, пока нору свою рыла. Весь ящик забит. А нора глубокая: рука до самого плеча ушла — и конца нет. Я удилище длинное засунул в нору, всё удилище ушло и в конец не упёрлось.

Здорово длинный ход вырыла крольчиха.

Есть ли в норе крольчата, нет ли — не знаю. Не дорыться мне. Земля каменистая, обвалится ком — задавит, чего доброго, крольчат.

А что гнездо в норе есть — наверняка знаю, потому что пух в норе к стенкам пристал.

Крольчиха-то из пуха гнездо делает. Со своих боков шерсть выдирает и для крольчат перинку мастерит.

Ещё неделя прошла. Ещё неделю кот на заборе сидит. А мы с Бобкой у загородки. Все трое крольчиху сторожим.

Вот сидим мы как-то раз, и вдруг Васька вытянулся и пополз по забору. Ползёт... ползёт... Видит кого-то, а я не вижу. Смотрю на Бобку, а Бобка голову набок повернул, рот прихлопнул, а язык убрать не успел. Торчит язык. Бобка тоже кого-то заметил. А я не вижу.

И вдруг зашевелилось в норе что-то белое, и крольчонок вылез.

Ой, и хорош крольчонок! Глаза как бусы чёрные, сам весь белый,

уши короткие ещё, а мордочка тупая, и нос приплюснут. Выкатился комочком, подобрал травинку и давай её есть.

Жуёт крольчонок травинку — вся мордочка с носом вместе ходуном ходит, из стороны в сторону ворочается. А травинка в рот залезает — всё меньше и меньше делается. Кончилась травинка — другую подобрал.

А уж из норы друг за дружкой четыре крольчонка вышли, и мать тоже выползла.

Обрадовался я. А Бобка визжать начал. Я ему морду зажимаю.

— Тише, тише, дурак, спугнёшь...

Вдруг кот как слетит с забора... Схватил одного крольчонка и — опять на забор.

Остальных крольчат как ветром сдуло — ускакали в нору. Никого нет. Только кот бежит по забору, и в зубах у него маленький крольчонок бьётся.

Ах ты, вор! Ну, берегись теперь!

Стал я кота камнями с забора сшибать. Не попадаю, всё мимо мажу. Бобка лает, прямо на забор лезет. А за забором звон стоит. Это в чужом огороде мои камни стёкла в парниках бьют.

Добежал кот до стены. Куда спрыгнет? За забор или ко мне? Ко мне прыгнул, на наш двор. Крольчонка в зубах держит.

Тут Бобка как налетит на него. С ног кота сшиб и давай трепать. Кот басом воет, фыркает, прыскает. А Бобка на этот раз ничего не боится, рычит, кота, как тряпку, по земле волочит.

И отбил крольчонка. Прогнал кота, загнал его на дерево.

А мёртвый крольчонок на земле лежит, тёплый ещё, — жаль его как!

Так бы и заревел я, да некогда. Ваську отлупить надо. Лезу на дерево за ним, хочу прутом отстегать, а Васька с дерева и — в огород. Удрал...

Вот, значит, почему сидел этот разбойник на заборе. Знал, что ему пожива будет, крольчатинки хотел.

Закопал я мёртвого крольчонка в землю и стал думать. Что мне теперь делать? В загородке крольчат оставить нельзя, — всех передавит, утащит Васька. А если не он, так другие коты постараются. Вон их сколько, по ночам шайкой ходят, хором поют.

Видно, для маленьких крольчат загородка моя не годится. Надо им клетку делать.

Закрыл я нору ящиком и дверь в ящике доской заложил. До завтра не добраться котам до моих крольчат, а завтра что-нибудь придумаю.

Утром побежал я отца будить. Рассказать ему про мою

беду хочу, посоветоваться. Смотрю — отец спит ещё, а на подушке у него опять дохлая крыса лежит. Белая крыса. Подошёл я поближе, а это не крыса вовсе, это крольчонок. Второй мой крольчонок. Значит, опять добрался до них кот.

Я заревел во весь голос. Отец проснулся, сел.

— Чего, — спрашивает, — ревёшь натощак?

Я ему всё рассказал.

— Эх ты, хозяин, — говорит отец, — на котов работничек. Клетку надо поскорей строить. Вот возьми у меня со стола книгу, прочитай и делай, как там сказано. Книга «Кролиководство» называется. Я давно её купил, да забыл тебе отдать.

Всё утро сидел я на крыльце и «Кролиководство» читал.

Прочёл — успокоился.

Будет у меня клетка. Знаю, как сделать.

Бочка старая на дворе стояла. Для воды. Вся расщепилась она, рассохлась. И воды в ней было на донышке. А в воде этой всякая живая мелочь жила. Вроде как головастики — только поменьше, с комара. Вертелись они, как заводные.

Я бочку набок повалил. Чистой водой ополоскал и стал с одной стороны дырки вертеть отцовским коловоротом.

Хороший инструмент — коловорот. Давишь на него грудью, одной рукой поддерживаешь, а другой ручку вертишь.

Из дырки разного цвета стружка ползёт: там, где бочка погнилей, труха коричневая лезет, а где поновей, там жёлтая стружка. Вертишь, вертишь и вывертишь дырку, круглую и аккуратную.

Всю сторону у бочки изрешетил — дырка к дырке. Это будет пол в клетке — дно. А дырки для того делаются, чтобы сырости не было.

С других сторон тоже провертел дырки, только пореже, это — для воздуха. Потом я на дырявый пол доски настлал, тоже дырявые. На кожаных обрезках, как на шарнирах,

к бочке дверь подвесил — раму — и раму эту проволокой оплёл. Вроде как сетка получилась.

Ну, теперь осталось бочку в загородку вкатить и на ножки поставить, чтобы не гнила на земле. А потом опилок на пол посыпать и ясли из толстой проволоки к стенке привесить — для сена и травы.

Готова новая квартира. Очень хорошо вышло — точно конюшня маленькая.

Теперь можно и жильцов вселять.

Сперва я крольчиху словил. А с крольчатами плохо дело. Не вылезают из норы — и конец. Часа три я их сторожил с мешком в руках. Только вышли, вылезли, накрыл их сразу и потащил. Дёргаются в мешке крольчата, — верно, думают, не кот ли их тащит. А в бочке в самый угол забились, друг под друга стараются залезть — прячутся.

Осталось у меня только три крольчонка, а было их пять. Эх, Василий Васильевич! Неужели ты их с крысами спутал? Ну, да теперь мне спокойно. Никакой кот у меня в клетку не залезет. Никого у меня не задавит больше.

Кормлю я кроликов три раза в день: утром, в полдень

и вечером. Днём сена и травы даю им, а на ночь овса или крупы подсыпаю, а то и картофелину подброшу или морковку. Убираю я клетку через каждые два дня — подстилку меняю, проветриваю.

Хорошо у меня кроликам жить. Подрастают мои крольчата, толстеют.

Отец посмотрел.

— Одобряю. Молодец! — говорит. — У меня к тебе есть предложение.

И рассказал вот что. На завод к ним редкую породу кроликов привезли. Шесть штук: два самца и четыре самки. И кроликов этих раздают на руки тем, кто хочет их разводить.

Только с условием раздают: половину приплода государству для разведения, чтобы по всей стране такая порода развелась, а половина остаётся тому, кто выкормит.

— Так вот, — говорит отец, — хочешь такого кролика выхаживать или боишься? Ведь если подохнет кролик, большой будет убыток государству.

— Готов, — говорю, — всегда готов!

И взяли мы ещё крольчиху.

Рыжая-рыжая крольчиха оказалась, как белка летом. Шерсть на ней мягкая, как пух, грубого волоса нет, а только один мягкий подшёрсток.

— Если этот мех, — отец говорит, — подкрасить, так его от выдры или от бобра никто не отличит, а у выдры и у бобра — прямо драгоценный мех.

Вторую клетку мы вместе с отцом сделали — быстрее быстрого. Такую же, как первая. Только в самую глубину бочки ящик вставили, пусть в нём крольчиха гнездо для маленьких вьёт.

Новую клетку рядом со старой примостили в загородке.

Зооферма у меня теперь на дворе — красота!

В старой бочке крольчата растут — горностаевые. Раньше они все белые были, а теперь уши, лапы и нос всё темней и темней у них становятся.

Ростом чуть не с мать выросли. Я их теперь днём в загородку выпускаю — кота уже не боюсь. Больших с крысами не смешает.

А в новой бочке, в ящике, другая, новая крольчиха гнездо свила. Пух у себя с боков до голой кожи выдрала и гнездо устлала.

Родились у неё крольчата слепые, голые, тупомордые. Лежат в тёплом пуху, как в перине какой-нибудь. Кучей лежат, друг под друга забиваются.

Восемь штук родилось крольчат. Их руками нельзя, говорят, трогать, — не то мать кормить не станет. Боится она человечьего запаха.

На двенадцатый день опушились крольчата немного, и глаза у них щёлочками открылись, а через две недели они совсем выросли. Стали такие же рыжие, такие же пушистые, как и мать. Бегают, прыгают, глупыми глазами глядят, ушами поводят, всё им интересно и всего боятся. Каждому из них я имя дал.

Одного назвал Яшка, другого — Прошка, третьего — Акулька, четвёртого — Матрёшка, пятого — Лёшка, шестого — Сенька, седьмого — Машка, восьмого — Женька. А они, как горошины в стручке, все одинаковые. Как стали бегать, друг через друга перескакивать, все и перепутались. Который Лёшка, а который Матрёшка — и не узнаешь.

Новыми крольчатами Василий Васильевич тоже очень интересовался. Сидел, сидел у них на бочке, сверху в дырки заглядывал. Дырки маленькие — смотреть смотри, а лапу не просунешь.

Видит кот — ничего не высидишь, бросил сидеть. Снова стал на крыс охотиться. Вчера отцу на подушку опять дохлую крысу притащил.

А Бобка-Вихляйка каждый день со мной ходит кроликов смотреть.

Я с ними вожусь, а он тут же сидит — вихляется.

По ночам я сплю, а Бобка крольчатник сторожит. И совсем бесстрашный стал Бобка с тех пор, как Ваську вздул. Где ни увидит кота — гонит его на дерево, на забор, на трубу. А кот от него удирает во всю мочь. Добежит до высокого места, куда Бобке не забраться, и там отсиживается.

А Бобке только того и надо.

Загнал, обрадовался и — до свидания.

Цена 6 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Мои первые книжки»

для детей дошкольного возраста в 1975 году издаются:

Барто А. — ТВОЙ ПРАЗДНИК

Благинина Е. — НЕ МЕШАЙТЕ МНЕ ТРУДИТЬСЯ

Гамзатов Р. — МОЙ ДЕДУШКА

Маршак С. — ПОЧТА

Маяковский В. — ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

Носов Н. — ФАНТАЗЁРЫ

Твардовский А. — СЫН

Чуковский К. — КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Евгений Иванович Чарушин

ВАСЬКА, БОБКА И КРОЛЬЧИХА

Ответственный редактор *М. И. Титова*. Художественный редактор *И. Г. Найдёнова*. Технический редактор *Г. Г. Стан*. Корректор *К. И. Каревская*. Сдано в набор 5/IX 1974 г. Подписано к печати 27/I 1975 г. Формат 70×100/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 1. Усл. печ. л. 1,3. Уч.-изд. л. 1,08. Тираж 2 300 000 экз. Заказ № 263. Цена 6 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва. Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ч $\frac{70801-261}{М101(03)75}$ 113—75